

УДК 316

*Р.Н. Абрамов***РАБОЧИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ**

Рабочий класс долгое время является объектом интереса отечественной социологии. В советской социологии основная часть исследований была посвящена рабочим и промышленной социологии. В 1990-е гг. фокус внимания социологов сдвинулся в сторону изучения трудовых отношений и протестного движения на предприятиях. После этого рабочие перестали быть в центре внимания социологии, но в настоящее время интерес к рабочему классу возвращается. Данная статья является аналитической рефлексией относительно исследовательской повестки изучения рабочих российскими социологами. В основу анализа положены публикации по теме исследований российских рабочих в ведущих отечественных социологических журналах. Констатируется, что рабочие в исследуемых публикациях рассматриваются как социально-профессиональная группа, находящаяся в статусном кризисе, как архаичный социальный класс, проигравший в ходе рыночных реформ и представляющий собой преграду для модернизации. При этом российские авторы указывают на возвращение значимой роли промышленных рабочих на фоне ориентации на технологический прорыв российской экономики. Также анализ публикаций показывает, что в последние годы сильно затруднился доступ исследователей на предприятия для изучения рабочих в их трудовой среде, что сказывается на понимании ситуации с промышленными рабочими в России. Кроме того, рабочие оказываются популярным и удобным объектом изучения как статистический артефакт, присутствующий в базах социологических данных, но порой эти данные не много говорят о реальном положении промышленного рабочего класса. При этом отмечаются растущий интерес российских социологов к рабочим и новые подходы к их изучению, включая биографический метод и включенное наблюдение.

Ключевые слова: рабочий класс, деиндустриализация, габитус, биография, труд, молодые рабочие.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-283-291

Введение

Мир труда в настоящее время стремительно меняется под воздействием процессов диджитализации и автоматизации, означающих смерть одних трудовых занятий на фоне рождения и расцвета других. В России глобальные процессы деиндустриализации резонировали с глубоким кризисом перехода от социалистической промышленной экономики к сырьевой капиталистической системе хозяйствования [1]. В этих условиях традиционный промышленный рабочий класс перестал быть в центре внимания социологов после всплеска интереса к рабочим и трансформациям труда в промышленности в 1990-х гг. Призывы руководства страны к импортозамещению и технологическому прорыву актуализировали интерес к промышленности в целом и к кадрам, связанным с новой индустриализацией. Социологи также обратились к изучению проблематики рабочего класса. В данной статье обобщены исследовательские разработки в области изучения рабочего класса, сделанные отечественными социологами в течение пяти лет.

Проведен анализ публикаций в ведущих российских журналах по социальным наукам в период с 2013 по 2018 г. Выборка включала журналы: «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мир России», «Экономическая социология», «Социологическое обозрение», «Социология 4М», «Мониторинг общественного мнения», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Журнал исследований социальной политики», «Вестник Института социологии», «ИНТЕР», «Антропологический форум». Основной целью анализа был поиск публикаций, посвященных теме российских рабочих. Всего было обнаружено двадцать три публикации, связанных с темой рабочих. Далее приводится обзор основных публикаций по теме статьи, полученных в процессе сквозного поиска по содержанию журналов. В процессе поиска статей обращалось внимание и на публикации по смежным темам: проблематике занятости и социологии труда в России. Сквозной библиографический анализ публикаций свидетельствует об относительно низком интересе к теме рабочих и рабочего класса: в отдельных статьях соответствующие сюжеты затрагиваются в связи с обсуждением проблематики человеческого капитала, модернизации производственной базы или темы бедности. В фокусе анализа был современный российский контекст изучения рабочих и рабочего класса в социологии: зарубежные публикации, раскрывающие данную проблематику, не затрагиваются в силу обширности материалов, которые могут стать основой отдельного исследования.

«Бедные проигравшие в габитусном тупике»: как в современной российской социологии описывается рабочий класс

Дискуссионная статья Е.Н. Даниловой важна для понимания динамики общественного восприятия этой группы занятых в России на протяжении рыночных реформ последней четверти XX в. [2]. Е.Н. Данилова рассуждает о возникновении и развитии дискурса «выигравших» и «проигравших» от этих реформ как в нашей стране, так и на всем посткоммунистическом пространстве. Выигравшие – продвинутые социально-профессиональные группы, готовые к изменениям и обладающие соответствующими интеллектуальными и социальными ресурсами для успешной адаптации к новым условиям. В разные годы этими группами становились «средний класс», «предприниматели», «эффективные менеджеры», «креативный класс», «социальные инноваторы» или же теперь миллениалы [3]. Всем им приписываются «прогрессивные» черты, а их носители могут рассматриваться как база для проведения реформ. Им противопоставлены «проигравшие» – группы, ассоциировавшиеся с промышленным социализмом, которые маркировались как инертная масса «иждивенцев», неспособных к принятию рыночных отношений и не готовых жить в конкурентном окружении «рыночного мира». Апатия, отсутствие рефлексивного мышления, «советский менталитет» – вот лишь немногие из негативных черт, которыми наделялись «проигравшие», в условиях посткоммунистических трансформаций принявшие на себя роль «других» и «чужаков» по отношению к гегемонистскому дискурсу «победителей». К «проигравшим» в первую очередь относили промышленный рабочий класс, который стал преградой на пути неолиберального капитализма, а поэтому стигматизировался негативным образом в медиа- и даже научном дискурсе, о чем пишет Е.Н. Данилова [2]. До последнего времени в исследованиях российского рабочего класса можно обнаружить следы этого гегемонистского дискурса о «победителях» и «проигравших», в котором рабочий класс становится в большей мере не классом как реальностью, но классом как идеологическим конструктом.

Несмотря на очевидное преобладание публикаций по теме рабочих, основанных на анализе данных опросов в российских изданиях, в последние годы стали появляться тексты, где используются материалы интервью и включенного наблюдения. Одной из таких публикаций стала статья И. Тартаковской и А. Ваньке «Карьера рабочего как биографический выбор», посвященная выбору рабочими своего профессионального пути [4]. Авторы обозначили свой метод исследования как интерсекционный анализ, предполагающий характеристику биографического выбора карьеры рабочего в контексте «подвижных отношений между гендером, классом и отчасти возрастом». В работе говорится, что этот подход тесно связан с генетическим структурализмом П. Бурдьё и его известной концепцией габитуса, предполагающего, что место индивида в «социальном универсуме» определяется констелляцией капиталов. Приводится детальный обзор литературы по теме габитуса и используется понятие «габитусная неуверенность» применительно к поведению белых воротничков [4]. Эмпирическим материалом статьи стали материалы интервью с рабочими, преимущественно из крупных городов с индустриальным прошлым. В работе И. Тартаковской и А. Ваньке, как и в исследованиях А.В. Каравай (о которых речь пойдет дальше в этом тексте), подтверждается предположение о том, что среднее профессиональное образование (ПТУ, техникум, колледж) почти ничего не добавляет к карьерным возможностям современного российского рабочего класса и находится в глубоком кризисе, зачастую утратив связь с реальными потребностями экономики. В рассуждениях авторов статьи заметна исходная позиция, заключающаяся в том, что быть рабочим – это всегда находиться в социальном тупике, быть объектом нисходящей социальной мобильности и, по сути, стать неудачником. Конечно, российский промышленный рабочий класс получил глубокую социальную травму, связанную с периодом поздней перестройки и реформ 1990-х гг., когда именно эту социальную группу считали «архаичным балластом, доставшимся от индустриальной эпохи социализма». Однако можно ли говорить о том, что самоощущение рабочих всегда выражается в социальном разочаровании? Впрочем, в статье упоминается о том, что для низовой части белых воротничков, которые понимают невозможность выбраться из состояния простого «конторского клерка» или «коммивояжера», занятость в качестве квалифицированного рабочего на современном предприятии выглядит не такой уж и бесперспективной. Другое дело, что у таких представителей «офисного планктона» отсутствуют навыки и знания, которые дадут им возможность стать частью рабочей аристократии. Исследование И. Тартаковской и А. Ваньке, безусловно, расширяет представления о жизненных мирах современного российского рабочего класса, хотя иногда это взгляд образованного среднего класса на ограниченные жизненные перспективы рабочего класса.

Начиная с 1960-х гг. в советской социологии изучалась трансформация жизненных и трудовых траекторий молодежи, которая переезжала в город для продолжения образования и в поисках работы. Оказалось, что подобная тематика волнует социологов и в настоящее время. В статье Е.Д. Вознесенской рассматриваются трудовые биографии молодых рабочих, переехавших из сельской местности в города. В качестве метода исследования указано проведение «глубинных полудирективных интервью с молодыми промышленными рабочими сельского происхождения с привлечением количественных данных массового опроса» [5], хотя и не указано, сколько именно информантов из общего числа участников опроса были рабочими сельского происхождения. Автор полагает, что именно молодые рабочие из села сегодня составляют костяк промышленного рабочего класса, причем занимают в нем не самые лучшие позиции в силу более низкого уровня образования и необходимости адаптироваться к жизни в городе. Выполняя относительно неквалифицированную работу, по мнению Е.Д. Вознесенской, эта группа промышленных рабочих не слишком мотивирована на продолжение образования, а скорее довольствуется минимальным уровнем стабильности в сфере занятости и оплаты труда. Статья насыщена духом теории габитуса П. Бурдьё, поскольку в основе сюжета статьи лежит характеристика очевидного неравенства различных типов капиталов, исходно имеющихся у рабочих в городах и сельской местности. Относительно низкий уровень качества образования в сельских школах и невысокая мотивация к учебе сразу ограничивают перспективы дальнейшей профессиональной мобильности. К тому же для получения востребованного среднего профессионального и высшего образования всё равно нужно ехать в город, что предопределяет миграцию сельской молодежи.

Другим традиционным каналом включения мужской части сельской молодежи в городской рабочий класс является армейская служба: для большинства молодых людей из села она становится первым опытом жизни в иных условиях, пусть и условиях казармы. Несмотря на амбивалентный образ армейской службы среди призывников, для молодых мужчин из сельской местности она является одновременно и школой жизни, и прагматически видится как возможный канал дальнейшей социальной мобильности через продолжение службы по контракту или переход на службу в правоохранительные органы или на работу в частные охранные предприятия. Любопытно, что в статье упоминаются советские практики организованного трудоустройства на промышленные предприятия после окончания армейской службы: военкоматы, оказывается, до сих пор по запросам предприятий направляют туда рабочих [5]. Вероятно, подобная статья со схожим содержанием и выводами могла бы быть написана и в 1965 г., и в 1975 г., и немного удручает, что не обнаружено новых интересных подходов к теме: например, случаев, когда агрокомплексы и перерабатывающие производства размещаются в сельской местности, что дает шансы для стабильных заработков и роста квалификации сельскому рабочему классу. Характерно, что в статье практически отсутствуют информанты-женщины и их истории включения в состав промышленных рабочих, которые, вероятно, будут отличаться от мужских версий: армейской службы как канала мобильности здесь, например, не существует. Между тем такие примеры тоже есть.

В статье В.А. Аникина и Н.Е. Тихоновой [6] о различных типах бедности не уделяется специального внимания рабочим, хотя и констатируется, что феномен индустриальной бедности тесно связан с бедностью эксплуатируемого труда, возникающего в ситуации диспропорционального развития сферы занятости. По сути, эта бедность наилучшим образом характеризуется в марксистских терминах как извлечение максимальной прибавочной стоимости за счет эксплуатации труда. По мнению авторов исследования, индустриальная бедность в современной России связана, во-первых, со структурными изменениями на рынке труда, когда доля позиций квалифицированных рабочих в промышленности снижается, но возрастает доля позиций относительно неквалифицированной рабочей силы в третьем секторе - продавцов, уборщиков, разнорабочих. Во-вторых, «легкий» постиндустриальный капитализм активно пользуется возможностями новых средств мобильности, в организованном порядке задействуя труд мигрантов в секторах, не требующих высокой квалификации, и таким образом снижая уровень оплаты труда: «в России существует парадоксальная ситуация, когда минимальная заработная плата по стране в целом ниже, чем прожиточный минимум» [6]. Согласно авторскому анализу, в России 45 % всех работающих бедных составляют низко- и среднеквалифицированные рабочие (1-4 разрядов), то есть тот самый промышленный пролетариат. В связи с этим вспоминается недавняя история с масштабным сбоем в российской космической программе, вызванным браком в ракетных двигателях РД-0210/0211 и РД-0213/0214, выпущенных на Воронежском механическом за-

воде¹. Весь тираж этих двигателей нуждался в переделке из-за ошибок кладовщицы (в результате ее действий при производстве двигателей были использованы неподходящие материалы). К сожалению, в информационных сообщениях об этом инциденте нет информации о заработной плате и условиях труда у рабочих на этом заводе, но, скорее всего, они не самые лучшие. В этом контексте проблема бедности напрямую связана с темой рабочего класса в современной России.

В течение последних нескольких лет в пространство исследований рабочего класса вошла А.В. Каравай, которая стала молодым и амбициозным представителем школы изучения социальной структуры российского общества во главе с Н.Е. Тихоновой. В 2016 г. А.В. Каравай успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Российские рабочие: ресурсы и поведенческие стратегии» и уже некоторое время активно публикуется по близким темам. Преимущественно А.В. Каравай опирается на данные различных опросов и баз социологических количественных данных, на основе которых можно делать заключения о специфике российского рабочего класса.

Например, в статье «Российские рабочие: финансовое поведение и установки» используются данные общероссийского исследования Института социологии РАН [7]. А.В. Каравай предлагает расширительное определение рабочего класса и включает туда не только собственно промышленных рабочих различной квалификации, но и «рядовых работников торговли и бытового обслуживания», что потенциально оказывает существенное влияние на получаемые выводы, поскольку работники низового звена третьего сектора экономики и промышленный пролетариат всё же имеют заметные различия в характере труда. Впрочем, в этой статье рассматриваются три подгруппы рабочего класса и работники торговли выделены в самостоятельный кластер. Полученные А.В. Каравай данные свидетельствуют о низком уровне финансовой грамотности и неумении планировать свой бюджет практически всеми группами рабочего класса на фоне более рефлексивного поведения в этой сфере представителей среднего класса. Рабочие определяются как пассивные и консервативные в своем финансовом поведении: даже при наличии доходов, сопоставимых с доходами «профессионалов», они предпочитают тратить их на текущие бытовые нужды и элементы престижного потребления, вместо того чтобы инвестировать в покупку недвижимости и других товаров и услуг, требующих стратегического поведения. Рабочие всех исследуемых категорий склонны активно пользоваться потребительскими кредитами и не слишком думают о долгосрочных накоплениях: «российский рабочий ориентирован чаще на то, чтобы «проесть» неожиданное богатство, потратив средства на покупку товаров длительного пользования (ТДП) или отдых» [7]. Основным выводом статьи: классовые позиции в России влияют на характер финансового поведения больше, нежели даже уровень доходов. Иными словами, сработала бурдьевиистская модель поведения, предопределенного габитусом. Проблемой этой статьи является, во-первых, не очень ясное описание методики: отсутствуют формулировки вопросов, а таблицы с распределениями уже озаглавлены как констатации. Во-вторых, дефиниции, характеризующие финансовое поведение рабочих («пассивные», «консервативные», «проедающие»), уже маркируют эти группы занятых как «проигравших» в новой экономической реальности, то есть неспособных к продуманному финансовому поведению.

В ряде других публикаций А.В. Каравай продолжает развивать тему человеческого капитала рабочих [8; 9]. Например, на основе данных ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2014 г. она выясняла, что, во-первых, более молодые российские рабочие чаще имеют лишь девятилетку, тогда как среди рабочих старшего поколения больше людей с полным средним образованием (так называемой десятилеткой). Во-вторых, ситуация с профессиональным образованием рабочих разной категории сложная: многие имеют лишь курсы по специальности и профессиональное образование первой ступени, а среди молодых рабочих много тех, кто вообще не имеет специальной профессиональной подготовки. Исходя из этого, А.В. Каравай полагает оправданными жалобы российского бизнеса на низкий уровень квалификации рабочих. В статье не ставится вопрос о том, что случилось с системой профессиональной подготовки рабочих кадров в России, которая после десятилетий стагнации перестала выполнять свои функциональные задачи. Бизнес также долгие годы способствовал разрушению этой системы, снимая с себя вериги советского наследия социальных обязательств. Как и в ряде других статей,

¹ Эта ситуация активно обсуждалась в российских медиа: Котляр П. Ракетный флот приковали к земле. Чем чреват отзыв двигателей «Протонов» для ракетной отрасли // Газета.ру, 25.01.2017. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/01/25_a_10492625.shtml

А.В. Каравай полагает, что и сами рабочие не склонны вкладывать в своё обучение и повышение квалификации: «у большинства представителей этой профессиональной группы отсутствуют установки на повышение своей квалификации через дополнительное обучение» [10].

Заслуживает внимание и обращение А.В. Каравай к теме потомственных рабочих, так как с позиции сегодняшнего дня позволяет иначе взглянуть на этот сюжет [10]. Конечно, «потомственные рабочие» – это нечто другое, нежели представители рабочих династий, поскольку неизвестно, следуют ли они тому же профессиональному курсу, что и их родители, но и понимание того? как воспроизводится рабочий класс в России, тоже небезынтересно. Концептуально исследователь придерживается бурдьевицкого подхода и описывает различия в трудовых стратегиях через разницу форм культурного, социального и других капиталов, имеющих в распоряжении акторов. Эмпирической базой исследования стали результаты двадцатой волны РМЭЗ НИУ ВШЭ (2011 г.). Потомственными рабочими («оба родителя которых также занимали профессиональные позиции, относимые по кодировке ISCO-88 к 7, 8 и 9-му профессиональным классам» [10]) оказалось только 28 % всех рабочих, которые и составили основу анализируемой выборочной совокупности. В основном в эту группу вошли мужчины в возрасте старше 45 лет. Автор исследования сдвигается в сторону анализа человеческого капитала этой группы рабочих, акцентируя внимание на владении ими навыков пользования компьютером и анализом перспектив повышения квалификации и получения дополнительного образования. И там и там показатели не слишком радостные: потомственные рабочие имеют ограниченные возможности для профессионального роста и не очень хорошо справляются с новыми информационными технологиями. Также эта группа занятых не склонна верить, что они что-то могут изменить в своей жизни, которая скорее зависит от внешних обстоятельств. Как итог, А.В. Каравай относит потомственных рабочих к социально уязвимым категориям населения [10]: они оказались заперты в рабочих поселках и малых городах без особых перспектив профессионального роста. Радует лишь то, что в современной России такого типа работников не так много среди представителей всего рабочего класса.

Рабочие и организационные модели поведения

Для понимания происходящего с российским рабочим классом целесообразно обратиться к позднему советскому прошлому, поскольку там скрыты истоки мировоззрения и видения своего места в социальной структуре современными рабочими. Рабочие старшего поколения нередко обращают ностальгические взгляды на то время, когда, по их мнению, гордость рабочего класса не была ущемлена, а сам труд промышленного рабочего хорошо оплачивался и сопровождался социальными льготами. Отчасти это было так, отчасти это лишь миф о «золотом веке» советской промышленности, но советские практики организации труда и коммуникаций на рабочем месте всё ещё воспроизводятся на многих предприятиях. В связи с этим уместно обратить внимание на статью петербургского историка М. Пискунова, посвященную трудовому процессу на советском предприятии (на Выборгском целлюлозно-бумажном заводе) середины 1980-х гг. [11]. Хотя по своей дисциплинарной принадлежности автор является историком, однако в самом начале статьи он ясно обозначает собственную исследовательскую позицию, связанную с традициями радикального неомарксизма Г. Бравермана и итальянского операизма. В России существуют переводы глав известной книги Г. Бравермана и некоторые аналитические статьи, в которых рассматривались его идеи (см. [12; 13]). Согласно этой позиции промышленное предприятие всегда является полем политической и классовой борьбы. Основные источники информации для исследователя – архивы предприятия, которые довольно редко используются при проведении исследований в настоящее время: многие утрачены, а к другим затруднен доступ, или они находятся в несистематизированном виде.

М. Пискунов, следуя материалам партийных собраний и отчетов, констатирует основные проблемы позднесоветского промышленного предприятия. Во-первых, это неритмичность работы завода, из-за чего не только срываются планы выпуска, но и расхолаживаются рабочие, которым приходится выплачивать компенсации за время простоев. Во-вторых, в период андроповской кампании борьбы за трудовую дисциплину на предприятии решили уволить несколько десятков рабочих, проявивших себя как злостные прогульщики и пьяницы. Однако сделать это не удалось – в ситуации дефицита рабочей силы буквально через месяц приходилось этих рабочих принимать обратно и смотреть сквозь пальцы на нарушения ими трудовой дисциплины. В-третьих, автор отмечает противоречивую позицию низшего менеджмента (мастера, бригадиры, начальники участков), которые, с одной стороны, должны были выполнять производственный план, а с другой – заниматься «социальным развитием коллектива», что

предполагало мягкие воспитательные меры воздействия на недобросовестных работников. Как результат – все большее разлаживание системы управления, утрата ориентиров и фактический компромисс между низовым менеджментом и рабочими. Эта рассинхронизация управленческой системы ярко проявилась при внедрении бригадного подряда: низший менеджмент увидел в этой новации угрозу своему статусу и активно ее саботировал. Напряжение между различными группами работников нарастало, и это привело к смене руководства предприятия в 1985 г., но не решило главной проблемы – повышения управляемости и снижения спонтанной автономии рабочих в процессе труда.

Главной методической проблемой данного исторического исследования является тип материалов, используемых автором в качестве источника информации: это протоколы и стенограммы различных собраний и заседаний – партийной, профсоюзной организаций, трудового коллектива и т. п. Тот, кто знаком с практиками официального документооборота периода реального социализма, хорошо знает ритуальный статус подобных документов: нередко они составлялись задним числом для отчетности и содержали только те сведения и высказывания, которые были идеологически безопасны и поддерживали текущий курс партийного и хозяйственного руководства. Для понимания заводской повседневности чрезвычайно важными оказываются малозначимые на первый взгляд документы: разного рода служебные записки, заявления, просьбы, локальные распоряжения и т. п., то есть все то, что связано с текущими потребностями рабочих и инженерно-технического персонала и нередко имеет неформальный статус. Именно здесь можно увидеть, как формируются пространство и практика труда, как достигается компромисс и обнаруживаются конфликты и напряжение. Проблема заключается в том, что этот поток бумаг редко оказывается в архивных папках, а поэтому исследователям приходится довольствоваться экстрактом протоколов официальных собраний.

В целом статья представляет интерес, поскольку и на многих нынешних вполне капиталистических предприятиях (и даже в образовательных и научных организациях) явления «штормовщины» и «кампанейщины» никуда не ушли и продолжают лихорадить коллективы.

В обзорной статье И.М. Козиной и Е.В. Сережкиной [14], посвященной эволюции метода кейс-стади в социологии труда, среди других сюжетов обсуждается исследование Ф. Д'Ирибарна, проведенное в конце 1980-х гг. на промышленных предприятиях Франции, США и Нидерландов. Автор исследования ставит под сомнение возможность создания и внедрения универсальной модели управления, поскольку в разных странах имеются культурные и социальные особенности, влияющие на характер труда. Соответственно культурные традиции переформатируют менеджерские инициативы в локальном контексте. Например, «трудовые отношения на французских предприятиях характеризуются “логикой чести”: в жестко стратифицированном французском обществе высшие классы демонстрируют свое превосходство, а низшие, ожидая это, подчиняются, сохраняя честь и достоинство своего класса» [14]. Честь не означает слепого подчинения доминирующим классам, но характеризуется ощущением собственной рабочей гордости и пониманием своих обязательств, классовых границ и возможностей влияния. В американской модели ожидаемо оказалось, что трудовые отношения базируются на экономико-правовых контрактных взаимных обязательствах, пересмотр которых также находится в легалистском регистре. На голландских предприятиях в основу положены уважение к личности и сотрудничество, опирающееся на взаимный консенсус. Вопрос заключается в следующем: а что же лежит в основе трудовых отношений и модели управления на российских предприятиях?

До сих пор встречаются обзоры литературы, посвященные классовым теориями с акцентом на позицию рабочего класса. Так, в работе А.Ш. Жвитиашвили сделан анализ некоторых источников, касающихся позиции рабочих в стратификационной сетке современных обществ [15]. Автор обзора подчеркивает преемственность своего взгляда с классовым подходом и обращается к стратификационным схемам М. Вебера, У. Уорнера, Дж. Голдторпа, Э. Райта, Г. Эспинг-Андерсена, между которыми можно найти лишь отдаленную преемственность. А.Ш. Жвитиашвили констатирует сложность адекватного определения классовой позиции рабочих и говорит о том, что «в этих схемах рабочий класс представлен группой работников физического труда, отчасти рутинного неручного, занимающей, несмотря на возможность социальной мобильности, нижний уровень классовой иерархии» [15]. Статья хороша как глава учебника по социальной стратификации, но, к сожалению, не очень ясно, как представленный материал можно интегрировать в актуальное знание о российском промышленном рабочем классе. К тому же не совсем ясен принцип отбора анализируемых авторов, где неовеварианцы и функционалисты соседствуют с неомарксистами и при этом существенных различий в их схемах трудно обнаружить.

Заключение

Рабочий класс традиционно занимает особое место в социологических исследованиях, многие из которых касаются измерения классового положения и проблем идентичности рабочих в меняющемся современном мире, а также сложностей, с которыми сталкиваются рабочие с распространением неолиберальной идеологической модели. Вместе с тем трудно не согласиться, что – в особенности в российской социологии – рабочим в целом уделяется явно недостаточно внимания. Постиндустриальное общество, в котором, казалось бы, рабочий класс перестал играть сколь-нибудь заметную роль, «маскирует» в сознании исследователей тот факт, что «классические» фабричные и заводские рабочие продолжают существовать и как основа современного производства, и как специфическая социальная группа со своей культурой и жизненным миром.

Анализ российских публикаций последних лет показывает, что исследования рабочих нередко сводятся к очевидным и относительно простым методологическим и объяснительным моделям. Эта группа занятых все еще рассматривается в традиции первой половины 1990-х гг. как архаичный социальный класс, проигравший в ходе рыночных реформ и представляющий собой преграду для модернизации. Если о рабочих и пишут с искренним сочувствием, то такое сочувствие носит гегемонистский характер в отношении объекта исследования: это рассмотрение рабочих с дистанции успешного среднего класса и желательно без длительного погружения в ткань бытия российских рабочих. Конечно, тому есть свои объективные причины. Во-первых, длительное включенное наблюдение труда и досуга рабочих сегодня сродни профессиональному самоотречению и даже подвигу, так как означает выпадение из потока текущих событий академического мира. Подобные исследования проводили, но они были очень редкими: в позднее советское время А.Н. Алексеев [16] несколько лет работал на ленинградском заводе станочником и собрал обширный материал о жизни советского предприятия того времени; М. Буровой в 1991 г., трудясь на фабрике мебели «Полярная» в Сыктывкаре стал свидетелем перехода от социалистической формы хозяйствования к капитализму [17. С. 88-89]. Много сделали С. Кларк и команда ИСИТО для проведения сравнительных исследований трансформации социальных отношений на производстве, куда руководство предприятий в 1990-х гг. еще допускало социологов. Однако до настоящего времени подобные исследования носят единичный характер.

Во-вторых, с конца 1990-х гг. сильно затрудняется возможность изучения рабочего класса на производстве: российский бизнес предпочитает нанимать консультантов по управлению и получать закрытую для публикаций оперативную информацию о происходящем на своих предприятиях. Поэтому, за редким исключением [18], социологи вынуждены довольствоваться данными опросов и интервью, проведенных за стенами предприятий. За истекшие десять лет было лишь несколько кейсов, когда изучение рабочего класса проводилось непосредственно на производстве. В 2006 г. О. Абрамова проводила включенное наблюдение и изучала профессиональные знания рабочих на Саратовском крановом заводе [19], а в 2011 г. автор данного обзора провел схожее исследование на Пенздизельмаше, наблюдая за трудовой повседневностью литейного участка [13]. Но эти работы не вызвали интереса, и проблематика рабочих в основном ушла в сторону анализа доступных количественных данных.

Наш обзор публикаций также показал, что рабочие как статистический артефакт в базах социологических данных оказываются популярным и удобным объектом изучения. Их можно ранжировать по квалификации (хотя мир рабочих профессий богаче любых официальных классификаторов), по уровню образования и стажу и делать выводы, не только и столько касающиеся трудовых процессов, сколько относящиеся к финансовому поведению и тому, что исследователи называют «человеческим капиталом». Как результат, на выходе много данных, но устройство повседневности российского промышленного класса нередко остается за кадром. Об этом свидетельствуют и новые материалы полевых экспедиций, показывающие многообразие форм занятости рабочих, включая артельный труд и «рассеянные мануфактуры» [20], характерные для раннего капитализма и не предполагающие нахождение работников в одном помещении для совместного труда.

Другим увлечением российских исследователей рабочего класса стали разнообразные вариации теории капиталов Пьера Бурдьё, которые, как оказалось, могут объяснить всё, что касается статусной и культурной идентичности рабочего класса. Оперирование видами капиталов и отсылки к габитусу присутствуют в большинстве текстов о рабочих, опубликованных в России в течение нескольких лет, хотя возникает резонный вопрос о том, насколько эта оптика является универсальной в описании рабочего класса. Уже когда данный текст был почти закончен, в журнале «Социологические исследования» вышла статья ульяновских коллег Ю.В. Андреевой и Е.Л. Лукьяновой, в которой они проблема-

тизируют понятие рабочего класса в контексте технической модернизации и показывают, как происходит профессионализация рабочих на производствах, где не требуется приложения физической силы или смекалки, но появляется запрос на умение работать со сложными автоматизированными системами [21]. В целом порой кажется, что зарубежные исследователи [22] понимают проблемы современного рабочего класса лучше, нежели многие российские социологи. Это печально, но одновременно и оптимистично: у российской социологии почти безграничные перспективы для исследования разных сторон досуга и труда российского промышленного класса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2/2012/04 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 16-26.
3. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15-33.
4. Тартаковская И., Ваньке А. Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение, 2016. № 3. С. 9-48.
5. Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие. Из села в город. // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 75-91.
6. Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. 2014. № 4. С. 59-95.
7. Каравай А.В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2. С. 83-95.
8. Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. № 2. С. 92-112.
9. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. 2017. № 3. С. 6-35.
10. Каравай А.В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 6. С. 107-124.
11. Пискунов М. Микрополитика позднесоветского завода: общее «своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай Выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982-1985 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 2. С. 217-234.
12. Абрамов Р.Н. Марксистский анализ трудовых отношений в современной корпорации: интерпретации Г. Бравермана // Новое и старое в теоретической социологии / отв. ред. Ю. Давыдов. Кн. 4. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 118-128.
13. Абрамов Р.Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной культуры / Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М.: Вариант, 2012. С. 153-174.
14. Козина И.М., Сережкина Е.В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64-73.
15. Жвитиашвили А.Ш. Рабочий класс в классовых схемах западной социологии // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 5-20.
16. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003–2005.
17. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Интерсоцис, 2006. 256 с.
18. Пинчук О.В. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. № 15. С. 24-40.
19. Абрамова О. «В работе главное – здравый смысл!» Повседневное знание в труде фрезеровщиков // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2007. С. 360-381.
20. Кордонский С.Г., Плюссин Ю.М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. 2018. № 4. С. 6-30.
21. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 54-64.
22. Morris J. Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins. London: Plagrave Macmillan, 2016.

Абрамов Роман Николаевич, доктор социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики старший научный сотрудник
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
101000, Россия, г. Москва, Мясницкая ул., д. 20
E-mail: sociportal@yandex.ru

R.N. Abramov

WORKING CLASS IN THE CURRENT SOCIOLOGICAL STUDIES: RUSSIAN CONTEXT

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-283-291

For many years, the working class has been an object of interest for Russian sociology. In Soviet sociology, a lot of research has been devoted to workers and industrial sociology. The point of attention of sociologists moved towards the study of labor relations and the protest movement in enterprises in the 1990s. Then the workers stopped being in the center of attention of sociology, but now interest in the working class is returning. This article is a form of analytical reflection on the research agenda for the study of workers by Russian sociologists. The analysis is based on publications on the research of Russian workers in the leading Russian sociological journals. Workers are considered as a social and professional group that is in a status crisis as an archaic social class that lost in the course of market reforms and represents an obstacle to modernization. Russian authors point to the return of the significant role of industrial workers against the background of a focus on the technological breakthrough of the Russian economy. An analysis of publications also shows that in recent years, researchers have found it difficult to access enterprises to study workers in their work environment, which affects the understanding of the situation of industrial workers in Russia. Workers have become a popular and convenient object of study as a statistical artifact present in sociological data bases, but sometimes this data speaks little of the real situation of the industrial working class. The article emphasizes the growing interest of Russian sociologists to workers and new approaches to their study, including the biographical method and the included observation.

Keywords: working class, deindustrialization, habitus, biography, labor, youth workers.

Received 27.05.2019

Abramov R.N., Doctor of Sociology, Associate Professor at Department of Analysis of Social Institutions, Faculty of Social Sciences
National Research University – Higher School of Economics
Senior researcher
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Myasnitskaya st., 20, Moscow, Russia, 101000
E-mail: sociportal@yandex.ru